

Alexey V. Laushkin
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE DEPARTURE TO MILITARY CAMPAIGNS ON HOLIDAYS
IN PRE-MONGOL RUS'

The author points out that the princes preferred to depart to military campaigns on the days of Church holidays, and considers it as a manifestation of religious practice of preparation for war.

Keywords: pre-Mongol Rus', the Church calendar, military culture

УДК 94(47) ББК 63.3(2)42 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0014

Гейл Ленхофф

Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США. lenhoff@humnet.ucla.edu

ТЕРМИН «ГОДОВЪНИИ ОБРОКЫ» В «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ»

В статье обосновывается предположение, что в ответ на просьбу епископа ростовского Кирилла II о финансовой помощи хан Берке принудил местных князей производить ежегодные выплаты из своей казны ростовской епископальной кафедре. Выплаты продолжались в течение всей жизни епископа Кирилла. По гипотезе автора статьи, именно эти выплаты обозначены термином «годовънии оброки» в «Повести о Петре, царевиче ордынском».

Ключевые слова: десятина, оброк, выход, перепись, Ростов, монгольское управление

История племянника ордынского хана Берке, который бежал в Ростов и крестился под именем Петра, содержит уникальные сведения о взаимоотношениях между Ордой и местными князьями и духовенством. В историографии были отмечены анахронизмы и легендарные мотивы сюжета, но также утверждалось, что некоторые подробности, отсутствующие в других источниках, отражают реальную действительность¹. В последнее время, опираясь на ростовские писцовые книги 1629—1631 гг., С. В. Стрельников реконструировал развитие вотчины Петровского монастыря со второй половины XIII в. по начало XV в.; на основе синодиков и генеалогических росписей 1680-х годов исследователь составил возможный перечень шести колен рода крещенного царевича-ордынца². При этом фрагменты повести остаются не до конца понятными. Среди них следующий отрывок:

«Святому епископу ростовскому Кирилу (1231—1261, ум. 1262) ходящу въ Татары съ честию къ царю Беркѣ (1257 или 1258—1266) за дом святыя Богородица. Царь же слышавъ от него о святѣмъ Леонтии, еже от гречьския земля родом, како крести град Ростовъ, како увѣри люди, како благословиениемъ патриарха прииде, и како честь прия (от) руських князии и от гречьскаго царя и патриарха, и от всего вселенскаго с(о)бора, и како по преставлении его съдѣваются чудеса от раки мощии его и до сего дне, и ина многа поучения от евангельскихъ святыхъ указаний. И, слышавъ царь Берка от епископа, възрадвался и почти и, и въдасть ему его же требуетъ, и отпусти. Да смѣю рещи царь Берка. По его бо животоу князии ярославстии годовънии оброки носятъ над гробъ его. Въ то же лѣто разболѣся сынъ его, единъ бо бѣ у него. Царь же от врачей не обрѣте ползы, но умысли сици. Пославъ въ Ростовъ по свягата владыку и обѣща ему дары многы, да исцѣлитъ сына его. Владыка же повелѣвъ, пѣвъ мольбены в Ростовѣ по всему граду, освятивъ воду и пришедъ въ Татары, исцѣли сына царева. Царь же възрадвался съ всѣмъ домоу и всею Ордою своею и повелъ давати владыцѣ оброки годовънии въ домъ святыя Богородица... И по малѣ времени и царю Беркѣ умершу, Ордѣ мятушися, и искания отроку не бѣ. Крести сего отрока святыи владыка и нарече имя ему Петръ. И бѣ Петръ въ учении Господни по вся дни въ святыхъ и у владыки. И преставися святыи владыка Кириль, и погребоша его честно съ песньми, вѣчнаа ему память! И прия престоль святыи владыка Игнатии (1261—1288), и начя крыти оловомъ и дно мстити мраморомъ храмъ святыя Богородица ростовьския, въ Орду ходя, емля оброки царьския»³.

Специалисты по древнерусской литературе не пытались привлекать исторические источники для прояснения этого фрагмента. М. О. Скрипиль, который считал повесть легендой, созданной в последней четверти XV в. с целью защиты монастырских земель и доходов от агентов великого князя Ивана III [Скрипиль, с. 354], интерпретировал «оброки» как «дары»: «...по повелению хана Берке ярославские князья после смерти епископа Кирилла ежегодно присылали дары на украшение его гробницы... (хан) приказал каждый год посылать дары в Ростов на храм святой Богородицы. ...Потом епископ Игнатий отправился в Орду за дарами для своей епархии»⁴.

¹ См.: [Буслаев, с. 159, 165, 168—169]; [Ключевский, с. 41—42]; [Насонов, с. 263, 266, 301—302]. Аналогичные мнения см.: [Vernadsky, p. 168—169; Halperin, p. 333—335; Белякова, 1993].

² См.: [Стрельников, 2006]; [Стрельников, 2009, с. 63—68, 141—151]. Развитие выводов С. В. Стрельникова см.: [Кузьмин, с. 204—209].

³ РНБ. Софийское собр. № 1389. Л. 493—494 об. По устному сообщению Б. М. Клосса, листы, содержащие «Повесть о Петре, царевиче ордынском», были переписаны в 80-е годы XV в. При цитировании рукописи сохраняются буква «ѣ», буква «ѡ» в конце слов, буква «і» заменяется на букву «и», буквенные обозначения цифр — на арабские, титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Простые исправления и даты жизни двух епископов и хана Берке даны в круглых скобках, а интересующие нас фрагменты выделены курсивом.

⁴ Русские повести XV—XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль; коммент. Б. А. Ларин. М.; Л., 1958. С. 266—267.

В. В. Кусков следовал переводу М. О. Скрипиля, но заменил слово «дары» на «оброки»⁵. Л. А. Дмитриев ввел несколько терминологических «поправок»: так, вознаграждение епископу за исцеление ханского сына было охарактеризовано как «ежегодная дань в храм святой Богородицы», а епископ Игнатий «стал ходить в Орду, собирая оброки ханские»⁶. Выбор одного или другого эквивалента к фразеологизму «годовниии оброки» в существующих изданиях не комментируется. Между тем, как мы увидим, в летописях, актах и описаниях, созданных свидетелями ордынского господства, термины «дань» и «оброки» имели специфические коннотации.

Коллективная монография исследовательской группы при Славянском семинаре Свободного университета Берлина, до сих пор не потерявшая ценность, также рассматривает интересный нас фрагмент преимущественно как литературное построение. Вводная история о епископе Кирилле (его поездки в Орду, рассказы знатым ордынцам о чудесах св. Леонтия Ростовского, проповедь о христианской вере, чудесное исцеление ханского сына) мотивирует решение царицы креститься и построить церковь во имя первоверховных апостолов Петра и Павла на средства, чудесным образом полученные от них. Сообщения об уважении царя Берке к епископу Кириллу и о его выплатах ростовскому собору святой Богородицы развивают важный мотив житий местных святых и владычных летописных сводов: изображение Ростовской епархии как духовного центра, сопоставимого с Киевом и Константинополем [Die Erzählung, S. 78, 136–137, 141, 173].

Специалисты по русской церковной истории, напротив, пытались выделить из этого отрывка достоверную информацию. Основываясь на летописных известиях, митрополит Макарий предположил, что русские епископы ездили к хану как за ярлыками, подтверждающими их собственное поставление, так и по другим церковным делам⁷. Историк доверял утверждению, появившемуся в поздней обработке Жития царицы Петра, что хан Берке повелел князьям ростовским и ярославским «оброки годовные своя давати владыце в дом святых Богородица Ростовския»⁸. Летописное сообщение о том, что епископ Игнатий «ходи второе въ Орду за причеть церковныи»⁹, убедило его, что тот ездил в Орду по сходным причинам [Макарий, с. 199]. Развивая наблюдения Макария, Е. Е. Голубинский констатировал, что «епископы ростовские находились даже совсем в особенных отношениях к ханам» [Голубинский, с. 23, 38]. Чтобы подтвердить предположение, что ханы платили Кириллу и Игнатию постоянное жалованье («оброки»), исследователь приводит сообщение Плано Карпини о том, что великий хан Гуюк «содержал» несторианских священников при своем дворе, и свидетельство Вильгельма Рубрука об аналогичном положении христианских священников при дворе ордынского хана Сартака¹⁰.

По словам Пл. Соколова, ростовские епископы имели обычай жаловаться хану на своих князей. Сопоставив ярлык Менгу-Тимура с содержанием повести и летописными сообщениями, он заключил, что Кирилл, вероятно всего, искал в Орде защиты от неких «обид местных князей». Согласно Никоновской летописи, около 1279 г. епископ Игнатий «осудиль... зѣло жестоко своего великого князя Глѣба Василковичя Ростовскаго, уже по смерти за девять недѣль, и изрину его, поругана и безчестна, изъ церкви соборныя въ полночь, и повелѣ просто закапати его въ землѣ въ княгининѣ манастирѣ святаго Спаса»¹¹. Лишив князя Глеба церковного погребения (по предположению Пл. Соколова, «вероятно, за захват церковного имущества»), Игнатий немедленно поехал в Орду сообщать царю о нарушении монгольского закона¹².

И. У. Будовниц предлагает следующий реальный сценарий, стоявший за этим сюжетом. Конкретная цель первой поездки Кирилла «за дом святых Богородица» выясняется только в рассказе о второй поездке епископа. Кирилл вернулся в Орду по просьбе хана и молился о выздоровлении его единственного сына, которого не могли вылечить врачи. За его исцеление благодарный хан дал ростовскому епископу то, что он просил: дополнительные средства на расходы епископской кафедры («годовниии оброки»), но не из царской казны, а из средств местных князей. Оброки выплачивались при жизни Кирилла. Преемник Кирилла, епископ Игнатий, дважды ездил в Орду во время господства Менгу-Тимура, чтобы вновь договориться о продолжении тех самых ежегодных выплат [Будовниц, с. 331–332].

⁵ Древнерусские предания XI–XVI вв. М., 1982. С. 151, 152.

⁶ ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 21, 23. Перевод перепечатан без существенных поправок в серии «Библиотека литературы Древней Руси» (СПб., 2000. Т. 9). Почти идентичный перевод фрагмента опубликован в: [Белякова, 2009, с. 83–84, 85].

⁷ См., например, в Никоновской летописи: «Того же лѣта пожалова Азбякъ царь Сарайскаго владыку, даде ему вся по прошению его, и никто же его ничимъ же да не обидитъ» (ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 203. под 6838 г.); «Того же лѣта прииде из Орды отъ царя Чанибѣка Феогнасть, митрополитъ Киевский и всея Руси, ходилъ о причть церковнѣмъ, имаше бо и митрополитъ и епископы ерлыкы на своя причты церковныя отъ царей Ордынскихъ» (Там же. С. 215, под 6850 г.).

⁸ Выделенные курсивом слова «ростовским и» отражают текст, составленный митрополитом Дмитрием Ростовским в последней четверти XVII в. и напечатанный в книге 4 «Житий святых» (Киев, 1705. Л. 293–296 об.). Источник цитаты не указан.

⁹ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Вып. 3 (Московская Академическая летопись). Стб. 525 (под 6790 (1282) г.). См. также: Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 296 (под 6790 г.).

¹⁰ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. P. 396 (cap. IX); Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А. И. Малеина. М., 1957. С. 59 (История монголов); С. 94–95 (Путешествие Рубрука, гл. XX).

¹¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 157 (под 6788 г.).

¹² См.: [Соколов, с. 189–190]. Более достоверные летописи позволяют заключить, что Игнатий выполнял поручение князя Дмитрия Борисовича Ростовского, который хотел лишить сына Глеба Васильковича — князя Михаила — отчинных прав на удел в Ростовском княжестве (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18 (Симоновская летопись). С. 77 (под 6788 г.); СПб., 1856. Т. 7 (Воскресенская летопись). С. 174 (под 6788 г.)). Подробнее см.: [Пресняков, с. 96, примеч. 3].

Каждая интерпретация, предложенная в историографии, помогает лучше понять содержание этого трудного фрагмента, но одновременно вызывает возражения и вопросы. Чтобы уточнить конкретное значение и воссоздать исторический контекст термина «годовънии оброки» в повести, необходимо учитывать более широкий круг источников.

Русские князья, как известно, были обязаны оказывать материальную и финансовую поддержку церкви. Первый век после крещения великие князья Киева, Пскова и Смоленска жаловали соборной церкви ежегодные выплаты «десятины», или «десятой части» доходов от дани, княжеского суда и торговых пошлин. Эта практика, впервые упомянутая в Повести временных лет и закреплённая княжеским уставом князя Владимира Святославича, продолжалась вплоть до XVI в., хотя варьировались суммы и виды обеспечения и не всегда использовался термин «десятина»¹³. Термин «оброк» обозначает все разнообразие других ежегодных выплат, которые шли от князя местной церкви. Новгородский великий князь Всеволод Мстиславич обещает купеческой организации церкви Ивана на Опоках постоянное жалованье: «оброк даю попомъ, и диакону, и диаку, и сторожамъ из вѣсу изъ वोшаного: имати попомъ по осми гривенъ сребра, диакону 4 гривны сребра, диаку 3 гривны сребра. А имати имъ той оброкъ и в вѣкы по моему данию князя великого Всеволода»¹⁴. Второе завещание Дмитрия Донского обязывает его сыновей продолжать платить компенсацию за землю, которую он конфисковал у Кремлевского Спасского монастыря: «А что есмь дал сыну своему, князю Андрѣю, Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ оброкъ святому Спасу патънатцать руб. на год на Спасовъ день»¹⁵.

Как и десятина, «годовънии оброки», описанные в повести, должны были вноситься ежегодно ростовской соборной церкви (метонимически обозначенной по ее главной святыни — гробу чудотворца св. епископа Леонтия). Тем не менее между ними была существенная разница. Ежегодные выплаты в дом Богородицы не были обещаны во веки или на время правления определенного князя — они давались «по... животъ» (то есть при жизни)¹⁶ епископа Кирилла II. По домонгольским порядкам, за поддержку епископской кафедры нес ответственность ростовский князь, но, согласно повести, хан приказывает выполнять эту обязанность ярославским князьям. Хотя распоряжение хана связано с конкретной ситуацией и засвидетельствовано только в агиографическом тексте, можно соотнести его с достоверными источниками и таким образом несколько развить наблюдения А. А. Горского об административной «перестройке» в Северо-Восточной Руси к концу 1250-х годов [Горский, 2014, с. 67–71].

Борис Василькович, получивший Ростов после гибели в 1238 г. Василька Константиновича¹⁷, и его младший брат Глеб (р. 1237 г.), который получил Белозерское княжение¹⁸, часто ездили в Орду, проводили там долгое время и были верными служебниками хана [Насонов, с. 261–262]. Зимой 1257/1258 г., во время правления Сарайского хана Улагчи, монгольские власти начали проводить перепись населения. Как сообщает летопись, чтобы вычислить выход, «тое же зимы приехаша численици исцетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую и Муромьскую и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники и идоша Ворду; толико не чтоша игуменовъ, чернцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зреть на святуго Богородициу и на владыку»¹⁹. В 1258 г. Борис Василькович вместе с Александром Невским и сыном последнего Андреем во главе войска сопровождали численников в Новгород²⁰ — несомненно, чтобы по поручению хана подавить сопротивление.

Между 1258 и 1260 г., когда ростовский епископ Кирилл мог посещать Орду (он ушел на покой в 1261 г.²¹), в достоверных источниках ярославские князья не называются²². Василий Всеволодович Ярославский умер во Владимире в 1249 г., не оставив сына. Было решено передать Ярославль в пожизненное владение вдове Василия Всеволодовича. После смерти вдовы и замужества дочери Борис и Глеб Васильковичи, как ближайшие родственники и старшие князья, могли опять присоединить Ярославль к Ростову²³. Но этого не случилось. Согласно Никоновской летописи, Феодор Ростиславич — младший сын Ростислава Мстиславича Смоленского — предложил Борису и Глебу Васильковичам и вдове жениться на дочери Василия в обмен на ярославский стол. Феодор стал править в Ярославле вместе с вдовой и дочерью Василия (дат источник не сообщает). А. В. Экземплярский рассчитал, что, если дочь Василия родилась между 1245/1246 и 1249 г., она достигла брачного возраста около

¹³ См. подробнее: [Щапов, с. 76–85].

¹⁴ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 161.

¹⁵ ДДГ. № 12, С. 36. Подробнее см.: [Кучкин, 2001, с. 173–174].

¹⁶ В работах П. Л. Соколова, И. У. Будовница и Берлинской исследовательской группы на основе контекста представлена такая интерпретация. Стандартное толкование фразы ср.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. Стб. 868; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 103; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. III. С. 257.

¹⁷ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Вып. 2 (Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку). Стб. 471 (под 6756 г.).

¹⁸ Там же. Стб. 473.

¹⁹ Там же. Стб. 474–475 (под 6765 г.).

²⁰ Там же. Стб. 475 (под 6766 г.).

²¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 71.

²² Ф. И. Буслаев считал сообщение о ярославских князьях «позднейшей припиской, не относящейся к предмету речи» (Русская Хрестоматия. Памятники Древней Русской литературы и народной словесности / Сост. Федор Буслаев. Изд. 10. М., 1907. С. 150. Примеч. 1). О собирании выхода ярославскими князьями «по старине» впервые свидетельствуют великокняжеские докончания 1447 г. См., например: ДДГ. № 44. С. 128, № 48. С. 147.

²³ Подробнее см.: [Экземплярский, с. 22; 71–72, примеч. 232; 73–74]. Источники не объясняют решение временно уступить Ярославль вдове.

1260/1261 г. [Экземплярский, с. 74–75]. Эта гипотеза была принята в научной литературе²⁴. До брака дочери Василия с князем Феодором Ярославичем еще ожидалось, что Ярославль будет присоединен к Ростову.

После гибели владимирского епископа Митрофана в 1238 г. его преемник долго не назначался. Епископ Кирилл оставался единственным главой не только Ростовской, но и Угличской, Ярославской и Владимирской епархий²⁵. Сохранившиеся источники не содержат никаких сведений о конфликтах Кирилла ни с ростовскими князьями, ни с великим князем Владимирским. Но есть основание предполагать, что поездка Кирилла в Орду была вызвана финансовым кризисом. Несмотря на все льготы и привилегии, которые духовенство получало от ханов, доходы, обеспечивавшие епископов в киевский период, не были гарантированы под властью монголов²⁶. Денежные выплаты, а также материальные и земельные дары, которые раньше поступали епископам от князей, неизбежно уменьшались из-за того, что последние были вынуждены снабжать ханов людьми и натуральным товаром, а также из-за принудительного взимания выхода²⁷.

Повесть представляет «годовнии оброки» как ханское пожалование епископу за увлекательные рассказы (о крещении Ростова святым епископом Леонтием, о чудесах у гроба святителя) и за исцеление единственного сына. Такие утверждения, часто встречающиеся в агиографических повествованиях, не поддаются проверке. Другие соображения более убедительно объясняют решение хана выполнить просьбу епископа. Исключительное положение Кирилла, который возглавил единственное в 1238–1261 г. епископство в пределах всей Ростово-Суздальской земли, представляется возможным только при особом доверии Орды. Несмотря на молчание источников, этот факт красноречиво свидетельствует в пользу его сотрудничества с монгольскими властями. Надо думать, что хан Берке приветствовал возможность оказать финансовую поддержку такому союзнику за чужой счет. Ссылаясь на древнюю обязанность киевских князей содержать епископскую кафедру, можно было оправдать приказ местным князьям временно осуществлять ежегодные выплаты в ростовскую соборную церковь. Что они гарантировались только при жизни Кирилла, подтверждается сообщением летописи о необходимости его преемнику Игнатию ездить в Сарай «за причетъ церковныи».

Литература

- Белякова М. М. «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 46. С. 74–87.
- Белякова М. М. Житие блаженного Петра, царевича Ордынского: история текста // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород, 2009. С. 43–100.
- Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1960.
- Буслав Ф. И. Смоленская легенда о св. Меркурии и Ростовская о Петре царевиче ордынском // Буслав Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 155–198.
- Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1997. Т. 2. Перв. пол.
- Горский А. А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.
- Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Декабрь. Т. 10 (157). Монгольские завоевания и Русь. С. 58–79.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М., 2001. Ч. 3. С. 106–183.
- Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 3.
- Насонов А. Л. Монголы и Русь. 2-е изд. СПб., 2006.
- Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918.
- Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. С. 350–357.
- Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
- Стрельников С. В. Потомки Петра ордынского и Карашская слобода // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 223–229.
- Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII в. М.; СПб., 2009.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
- Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891. Т. 2.
- Die Erzählung über Petr Ordynskij. Ein Beitrag zur soziologischen Erforschung altrussischer Texte von der Forschungsgruppe „Ältere

²⁴ См., напр.: [Пресняков, с. 61]; [Кучкин, 1984, с. 121]; [Феннел, с. 167]; [Горский, 2010, с. 37].

²⁵ ПСРА. Т. 18. С. 56 (под 6745 г.), 69–70 (под 6756, 6756 г.), 71 (6766, 6767 г.); Т. 1. Вып. 2. Стб. 471 (6756 г.), 472 (6757 г.). Владимирский епископ Митрофан погиб в 1238 г., и преемник не был поставлен до 1474 г.

²⁶ См.: ярлык Менгу-Тимура русскому духовенству (1267 г.) в кн.: Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467–468. По наблюдению Е. Е. Голубинского, «в ярлыках не подтверждается права архиереев взимать дань с мирских населений епархий, или так называемую десятину» [Голубинский, с. 35].

²⁷ Согласно Симеоновской летописи: «В лѣто 6773... умре царь Татарскыи Беркаи, и бысть ослаба Руси от насилия бесермень» (ПСРА. Т. 18. С. 72).

Slavische Literaturen“ an der FU Berlin. U. Bamborschke, W. Košny, H. Meyer-Harder, W.-H. Schmidt, K.-D. Seemann. Berlin; Wiesbaden, 1979. (Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts [Slavisches Seminar] an der Freien Universität Berlin. Bd. 48).

Halperin C. A. Chingissid Saint of (sic.) Russian Orthodox Church: “The Life of Peter, Tsarevich of the Horde” // Canadian-American Slavic Studies. 1975. Vol. 9. № 3. P. 324–335.

Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, Conn., 1953.

Gail Lenhoff
University of California, Los Angeles, USA

THE TERM “GODOVNYE OBROKI” IN THE “TALE OF PETR, TSAREVICH OF THE HORDE”

The essay deciphers a puzzling reference to “yearly payments” provided by Khan Berke to the Rostov episcopal cathedral during the lifetime of Rostov Bishop Kirill II. Correcting and developing the historiography, it supplies indirect evidence that Bishop Kirill, a loyal supporter of Berke, ran into financial difficulties because — despite the many privileges granted clerics — essential sources of episcopal income were interrupted in the first half-century of Mongol rule. He went to the Horde to request help from the khan. Citing the precedent of the “desiatina,” Berke agreed to supply Kirill with yearly payments during his lifetime, but forced the local princes to supply and deliver the payments.

Keywords: tithe, payments, tribute, census, Rostov, Mongol rule

УДК 929.522.1 ББК 63.3(0)4, 63.2, 63.214, 81.053.16 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0015

А. Ф. Литвина

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия. annalitvina@gmail.com

Ф. Б. Успенский

Институт славяноведения РАН,

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия. fjodor.uspenskiy@gmail.com

К УТОЧНЕНИЮ ИМЕН И ДАТ В СЕМЬЕ ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА¹

Работа посвящена истории христианской двуименности в допетровской Руси. Основное внимание сосредоточено на позднем этапе функционирования этой традиции в династии Рюриковичей и у их ближайшего окружения. В статье обсуждаются следующие вопросы: какими христианскими именами обладали царь Федор и царица Ирина, кого они почитали в качестве личных патрональных святых и когда Ирина Федоровна Годунова могла появиться на свет?

Ключевые слова: имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, крестильное имя, день рождения, личные небесные покровители, задравные и поминальные вклады, семья Ивана Грозного, царь Федор Иванович, царица Ирина Годунова

Шестнадцатое столетие в истории московского правящего дома ознаменовано постепенным угасанием практики мирской христианской двуименности. Процесс этот протекал неравномерно и неоднозначно. Как и прежде, некоторые отпрыски великокняжеской, а затем и царской семьи получали по два календарных имени, тогда как другие оставались, по всей видимости, одноименными. В этом отношении семья Ивана Грозного мало чем отличалась, скажем, от семьи Дмитрия Донского, однако в перспективе функционирования этих имен разница между правителями XIV и XVI в. была весьма значительной.

Существенно упрощая дело, можно сказать, что если в XIV в. династу дается два светских христианских имени, то выбираются они следующим образом. Одно дается ему или ей по дате рождения, то есть в честь одного из тех святых, чья память празднуется в день появления такого династа на свет. Оно-то и становится именем крестильным, но при этом непубличным. Второе же имя — династическое, публичное — подбирается из числа традиционных родовых имен в довольно широких календарных окрестностях даты рождения. Иными словами, князь мог быть крещен как *Максим* или *Фома*, потому что родился на память апостола *Фомы* или *Максима Исповедника*, но правил как *Дмитрий* или *Андрей*, потому что это имя было в ходу у его предков, а празднование *Дмитрию Солунскому* или *Андрею Стратилату* отстояло от дня его рождения на несколько дней или даже на две-три недели [Литвина, Успенский, 2017; Литвина, Успенский, 2018а; Литвина, Успенский, 2018б; Литвина, Успенский, 2019]. Небесных покровителей у такого князя, естественным образом, оказывалось двое — свв. *Фома* и *Дмитрий* или свв. *Максим* и *Андрей*.

При этом у носителя светской христианской двуименности могли быть родные братья и сестры, обладавшие всего одним христианским именем, совмещавшим в себе функции публичного, династического и крестильного. Это единственное имя могло, счастливым образом, выпасть по календарю (ведь свв. *Федоров*, *Андреев*, *Василиев*, *Иоаннов* в месяцеслове довольно много, а все эти имена для Рюриковича были вполне пригодны) или быть подобранным по старинке, без столь уж жесткой оглядки на календарь, то есть практически так же, как это делалось

¹ В работе использованы результаты проекта «Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

